

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КАМЕНЦЕВА: О НЕЙ БУДУ ПОМНИТЬ ВСЕГДА

Среди многих людей, с которыми автор встречался за свою жизнь, осталось три человека, о которых он будет помнить всегда и чья память о них не оставляет его холодным и равнодушным, возвращая в светлые и тёплые дни молодости и будущих надежд.

Первый такой человек – это неоднократный чемпион и призёр довоенного СССР, ветеран и инвалид финской войны – Василий Алексеевич Люляков, мой первый тренер. Именно Василий Алексеевич привил мне любовь к истории и, конечно, прежде всего, любовь к истории спортивной. На открытках, газетах, плакатах, фотографиях прошлого Василий Алексеевич показывал мне значение этих предметов не только как образов материальной культуры, но прежде всего, значение их как исторического источника, важнейшего материала для исторического анализа.

Я и не подозревал тогда, что это были первые уроки, введение в мир истории, покорившей меня навсегда.

Вторым человеком, расширившим мой кругозор, рассказавшим о мире и показавшим его, оторвавшим от заскорузлой тогдашней действительности, был легендарный теперь, а тогда обычный, очень хороший человек Лев Иванович Яшин (просто Лёва), в те времена бывший для меня мальчишкой, но просто вратарём московского «Динамо» и сборной страны, кумиром, знакомством с которым я гордился и дорожил, но и почти старшим братом.

Третьим таким человеком была моя учительница в исторической науке, Елена Ивановна Каменцева, настолько прочно и основательно вошедшая в мою жизнь, что и теперь, забываясь (было два или три раза) я хватался за телефонную трубку, чтобы позвонить ей и о чём-то посоветоваться.

Я появился в Историко-Архивном институте уже весьма взрослым и сформировавшимся человеком, прошедшим некоторую учебу в автодорожном (сразу после школы), поступление в МГУ, МИМО (буквы «Г» тогда еще не было, что давало возможность шутником говорить – «МИМО – это значит МИМО»), ВГИК.

Закончив со спортом в московском «Динамо», будучи секретарём комсомбла этого спортивного общества, находясь в центре его довольно сложной «энкавэдэшной» структуры (куда входил и наш институт), я мог без всякого труда войти в двери на ул. 25 Октября, но не сделал этого, а пошёл как и все в 1963 году сдавать вступительные экзамены, получил тройку по истории и естественно не попал. Не попав, я разозлился настолько, что уже в 1965 году сдал историю на пятёрку не кому-нибудь, а самому Комиссару, Аркадию Ивановичу Комиссаренко, который как известно, пятёрку вообще не ставил (или ставил очень редко).

Помимо моего знакомства с Аркадием Ивановичем, этот год был отмечен и знакомством с Еленой Ивановной, которая читала вспомогательные исторические дисциплины на первом курсе. Скажу честно, эта встреча не произвела на меня большого впечатления – предметов и преподавателей было много, все дисциплины для меня, непосвященного человека, настолько трудны и сложны, что голова шла кругом.

Более детальное и приближённое знакомство произошло на семинаре, где я столкнулся с материалом, который потенциально был мне интересен всегда – монетами, медалями, гербами, или какими-либо другими предметами, несшими на себе (в себе) изобразительную информацию. Конечно, мне нравился далеко не весь спектр дисциплин – какую-нибудь берестологию я не понимал и был далек от неё, как и она от меня. Но некоторые направления мне нравились – они были живыми, я когда-то так или иначе сталкивался с ними – и это второе знакомство было совсем не хуже первого, тем более, что я узнавал от Елены Ивановны такие подробности об уже вроде бы знакомых вещах, которые раскрывали предмет совсем по-новому, заставляли его поворачиваться такими гранями, о которых обычный человек, глядя на него, и не подозревает, равнодушно проходя мимо. Источники постепенно стали всё более и более занимать меня, и уже с первых шагов в институте, с первых дней и месяцев пребывания в нём, я стал не только с удовлетворением отмечать, что попал куда надо, но и замечать в себе качества, о которых не имел до этого никакого понятия – мне хотелось, чтобы семинары Каменцевой были чаще, чтобы она на них больше рассказывала (тогда она делала это очень интересно).

Понемногу, я переставал бояться её вопросов, отвечая (пусть ещё и плохо, невнятно) более-менее по существу, попадая косноязычным ещё языком относительно в сердцевину обозначенной проблемы. Конечно, это далеко ещё не значило, что она как-то выделяла или помнила меня – вокруг неё всегда клубились десятки самых разных людей. Но это было важно для меня, я уже тогда сам, пока и не подозревая об этом, определил свою специализацию – вспомогательные исторические дисциплины. Естественно, что все курсовые работы я писал на кафедре и под руководством Елены Ивановны, защищая я их там же. Елена Ивановна в эту пору была далеко не ангелом – она могла разнести тебя в пух и прах (особенно если была не в духе), обидеть, высмеять (даже, наверное, оскорбить) – но всё это было второстепенным, не главным (по крайней мере для меня). Я ценил её знания, понимая, что она мастер, а я – подмастерье.

Постепенно, особенно к концу обучения, у нас уже завязались какие-то отношения. Мне кажется, что она отметила моё рвение, желание работать дальше. Немалую роль, видимо сыграло и то, что все работы я выполнял под её руководством.

Диплом по памятным медалям России (если мне не изменяет память), естественно, я писал также у неё и вместе с ней. Диплом высветил мою ещё слабую научную подготовку, примитивность мышления (теперь я понимаю, насколько это была слабая работа), я получил оценку «четыре».

Казалось бы, с окончанием института и уходом из него все мои научные поползновения и изыскания должны были сойти на нет. Но это небольшое время разлуки с Каменцевой, наоборот, отмечается моей научной активностью, импульс, заложенный Еленой Ивановной, уже без неё, продолжал во всю работать. Меня начинает активно интересовать эмблематика русского спортивного движения, земских марок, профдвижения и т.д. Я снова прихожу к Каменцевой, показываю ей свои наработки, и она, наконец, хвалит меня.

С тех пор, где-то с середины семидесятых годов, мы довольно часто общаемся, я бываю у неё в гостях, рассказываю ей о своей семье, об отце (сначала военном белоэмигранте, потом работнике НКВД, о трагедии его смерти, разрушившей всю нашу семью). Она слушала и понимала меня, за что я ей был очень признателен. Елена Ивановна ценила меня тогда за упорство, способность достигать цели (так мне, по крайней мере, кажется). Она одобрила мою первую диссертацию, посвящённую эмблематике профессиональных союзов в России (темы, довольно необычной в то время), и узнав, что я откладываю её, переключившись на русскую родовую геральдику, не стала спорить со мной и критиковать за столь резкую перемену (в конце концов, я представил научной общественности обе эти темы в качестве своих публикаций). С тех пор наш союз был весьма крепок, особенно тогда, когда мы вместе готовились к празднованию столетия В. Лукомского, побывав в Санкт-Петербурге, когда я показал ей свой «Определитель родовых гербов» (коллективный семейный труд ещё живых тогда последних членов нашей некогда большой белорусско-украинской семьи Карпеевых). Именно Елена Ивановна назвала этот сборник «Определителем» (который ещё ждёт своей публикации и который, надеюсь, поможет многим в работе по атрибуции гербов).

Мне кажется, что она ещё больше стала уважать меня, когда узнала что я почти один, без помощников переписал все гербы «Общего Гербовника» в Историческом архиве (теперь моя задача - опубликовать всё это наследие в её честь).

В последние годы (лет пятнадцать точно) мы тесно работали вместе. Я уже особо не сворачивал со своего пути, не отвлекался, плотно занимался родовой геральдикой и будучи сформировавшимся специалистом и, надеюсь, учёным, всегда советовался с ней. За последнее время геральдика опошлилась, в ней появилось много каких-то странных и суетливых людей. Мне всё это стало сильно надоедать, и я решил уйти из неё, отказавшись от всех постов, которые я там занимал (речь идет не о науке, а о практической деятельности), переключившись на другие исторические сюжеты, в частности на 2-ую мировую войну и тему оккупации советской территории (тема эта весьма большая и больная и до сих пор). Мы долго говорили тогда, обсуждая всё это. Елена Ивановна поняла и поддержала меня и в этом. С её уходом из жизни многое рухнуло для меня, потеряв всякий смысл.

Заканчивая эти записи, мне хотелось бы сказать вот что – я пришёл в вуз студентом – тогда, когда на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, находившейся в «Теремке» (который мы тоже не забудем), собрался ряд крупнейших учёных. Каждый из них был не просто неординарным преподавателем, но блестящим знатоком своего предмета и направления. С этой точки зрения, мне здорово повезло (но я понял это гораздо позже). Среди всех них, ушедших из жизни, именно Елена Ивановна дольше всех сохраняла память о них, пыталась как-то удерживать старые традиции кафедры. Безусловно, и новый состав состоит из талантливых людей, но теперь уходят «последние из могикан» – не стало и Елены Ивановны Каменцевой. Её заслуга (и это особенно видно) состоит в том, что она, в отличие от всех остальных своих коллег, создала нечто осязаемое и живое, нечто, в чём бьётся сердце, мысль и иногда вдохновение – это семинар. Геральдический семинар, теперь уже её имени. Этот семинар и надо всем нам беречь, ибо в нём дух и память не только кафедры, но и нашей «alma mater» Московского Государственного историко-архивного института.